

ОЛЕГ МУХИН

ЧЕЛОВЕК: 3.

АВТОР

Олег Мухин

Человек: 3. Автор

Серия «Человек (Олег Мухин)», книга 3

*Публикуется с любезного разрешения автора
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10697614
Человек: Автор: ООО "Остеон-Пресс"; Ногинск; 2015
ISBN 978-5-85689-044-9*

Аннотация

В сибирской тайге в районе падения тунгусского метеорита бесследно исчезает аэробус "А 380". А из места его исчезновения начинает распространяться нечто странное, то ли массовая эпидемия, то ли растение-мутант. В зону отправляется разведотряд, который должен найти ценный груз, находившийся на борту самолёта, и вынести его оттуда. Писатель, Денис Меркурьев, сочинивший научно-фантастический роман, неожиданно понимает, что события, в нём происходящие, в точности повторяют историю, приключившуюся с "А 380". Он намерен скрыться из поля зрения спецслужб, а они начинают за ним охоту. Денис Меркурьев сочиняет новый роман. Сбудутся ли опять события, описанные в нём? Станет ли писатель-пророк объектом преследования или поклонения? Судьба неординарной личности, идущей к вершине славы, трудна и терниста.

Содержание

Часть первая	4
Книга 1: Черти с нимбами	4
1	5
2	9
3	12
4	16
5	22
6	25
7	29
8	32
9	36
10	41
11	45
12	50
13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Мухин

Человек 3: Автор

Часть первая

Книга 1: Черти с нимбами

Писатель – сверхчувствительная клетка в общественном организме.

Курт Воннегут

Предвидеть что-либо очень трудно, особенно будущее.

Нильс Бор

Талант – вопрос количества. Талант заключается не в том, чтобы написать гениальную страницу, а в том, чтобы написать их триста.

Жюль Ренар

Любая достаточно развитая технология неотличима от магии.

Третий «закон» Артура Кларка

Мы открыли для себя суть вещей и первопричину

1

«...Снежная Жанна сладко посапывала рядом, повернувшись к нему своей шикарной «ледяной» спиной. Мягкий белый свет ртутной лампы придавал коже Королевы ещё большую белоснежность. Вся её кожа была не только необычайно белой, но и идеальной, без каких-либо дефектов, без татуировок, и лишь след, оставленный прививкой от оспы на предплечье слегка портил впечатление.

Чтобы не разбудить подружку, Артур тихо поднялся с кровати, взял с прикроватной тумбочки сигарету и зажигалку, босиком пошёл к балкону. Снежная Жанна не любила табачного дыма. Да и по части выпивки была не сильна. Не то что Кристина или Маргарита. Снежная Жанна если и пила водку, то совсем мало. И по её лицу тогда, в эти редкие замечательные моменты, медленно разливался странный по форме, но такой милый румянец, от которого Артур приходил в щенячий восторг.

Раздвижные стеклянные двери бесшумно пропустили Артура в огромную лоджию. Отсюда, с одиннадцатого этажа, открывался прекрасный вид на ночной Рай. Он приблизился к краю балкона, нервно закурил сигарету. Руки очень сильно дрожали, и с этим ничего нельзя было поделать. Руки у него

стали дрожать ещё с Первого Пришествия. Такой тремор он видел только однажды в своей жизни. Именно так дрожали пальцы у отца, когда, будучи подростком, Артур нашёл его в той протухшей привокзальной забегаловке. Артур сказал ему, пошли домой, папа, мама заждалась, но отец всего лишь рассмеялся в ответ. А наутро папы не стало. Пьяный замёрз у железнодорожного полотна. Путевой обходчик нашёл его лежащим в сугробе. Дело было зимой.

А вот теперь у Артура так же дрожат руки. Но не от водки. Хотя водки он пьёт предостаточно. Артур посмотрел на Рай. А Рай посмотрел на Артура. В том числе и сквозь дыры в Стене. Всеми своими разноцветными огнями. Всеми своими «ангарами».

Всеми своими светящимися «проводами». Всем своим существом. «Что ты такое? – подумал Артур. – Откуда ты на мою голову взялся? Зачем ты сводишь меня с ума? Безумный мир Артура Брауна. Безумный мир Артура Лунина. Я же не вынесу. Надорву себе сердце. У меня уже ведь нервов никаких не осталось. Почему я должен нести этот крест?»

Рай не отвечал. Он равнодушно поблескивал в темноте, иногда подмигивал глазами-звёздочками и тихо-тихо гудел, словно пчелиный улей или, скорей, как трансформаторная подстанция. В два часа ночи гудение было слышно довольно отчётливо.

Вдруг откуда-то сбоку яркая вспышка на мгновение ослепила Артура. Потом ещё одна. Он даже испугаться не успел.

Но выстрела не последовало. «А я думал, покушение. Наконец-то. А это, похоже, папарацци с восточного крыла гостиницы. С двенадцатого этажа. Тоже не спится им, гнидам. Завтра во всех газетах и в Нете появится моя обнажёнка. Я ведь даже плавки не надел. Вот будет хохмачка. Разбудить что ли Гансов? Чтобы хлеб зря не жрали. Секьюрити называются. Сами храпят, а меня тут какие-то козлы фотографируют. Хотя... Скоро всё изменится. Ничего этого уже больше не будет. Никаких секьюрити, папарацци. Ничего, того, что было, не будет, а будет что-то совсем другое. И я даже боюсь представить, что...»

Что-то загудело намного громче, чем Рай. По чёрному беззвёздному небу летели огни. Резко отличающиеся от огней Рая. Очередной «Супер Гуппи» заходил на посадку...»

Ослабив зажим, Денис вытащил лист бумаги. Портативная пишущая машинка была старая, ещё советская, с выпуклым знаком качества на сером силуминовом корпусе и почему-то без названия. Но печатала она всё ещё хорошо. Машинка досталась ему в наследство от матери, поэтессы. Хранилась она в кладовке, вся покрылась пылью, и Денис уже собирался выбросить её на свалку, но машинка неожиданно пригодилась – вышел из строя компьютер (высветился «синий экран смерти»). Денис отнёс его в ремонт и, чтобы не терять даром время, решил дальше печатать роман старым проверенным маминым способом.

«Ещё пару страниц отстучу, – подумал он, – и возьмусь за

эпилог. Надо будет продумать концовку. Чтобы неожиданно как-то получилось. Чтобы читателя удивить.»

Зарядив машинку свежим, девственно чистым листом, Денис встал из-за стола, подошёл к окну. Сквозь тюлевые занавески было видно море. Синее-пресинее. Впервые за последние четырнадцать дней спокойное. И по синему-пресинему спокойному морю по фарватеру в порт на полных парах шло судно. Турецкое. За очередной порцией русского металлолома.

«Алло, шеф, это я, Лёлик! Алло, шеф, это я, Лёлик!» – голосом Анатолия Папанова сказал мобильный телефон, повторяя фразу до бесконечности. Денис оторвал взгляд от иностранного балкера, выкрашенного в цвет спелой вишни, взял со стола трубку, включил громкую связь. Звонил сосед по дому. Юрка.

– Старик, ты телек смотришь? – спросил он. – Или тягомотину свою строчишь в поте яйца? – сосед в выражениях не стеснялся.

– Тягомотину, – ответил Денис.

– Так ты, хрен моржовый, давай оторвись на минуту и новости погляди.

– По какому каналу?

– По «Тет-а-тет», мать твою.

– А что там такого удивительного я не видел? – беря в руку пульт от телевизора, спросил Денис. – Снова бомж не дотянул до раджи? Загнулся? Чёрной икрой обожрался? Another

one bites the dust? Или инопланетяне высадились на Красной площади в Москве?

– Больше второе, чем первое, – сказал Юрка и как-то необычно и заразительно засмеялся.

2

«...Город был небольшой, не более ста тысяч жителей. Город был зелёный, солнечный, красивый. А со стороны моря он даже напоминал нечто среднее между Ниццей, Каннами и Пальма-де-Майоркой. Город был счастливым. Местное население приветливо друг другу улыбалось, дети радостно щебетали, а мэра иначе как «наш папа» никто и не называл. Улицы были чисты, словно их каждый день мыли шампунем. И их действительно мыли шампунем. Деревья выглядели так, будто их подстригали, и их на самом деле старательно стригли несколько раз в год. Парков для отдыха было хоть пруд пруди, и в них под мелодии духовых оркестров танцевали влюблённые парочки. А мэр каждый день делал город всё лучше и лучше, по воскресеньям устраивая для людей красочные фейерверки. Яркими вывесками пестрели коммерческие магазинчики.

Рестораны манили дразнящими аппетитными запахами. Кинотеатры притягивали увлекательными афишами новых фильмов. Устраивались конкурсы красоты, чемпионаты по водным видам спорта, викторины на знание истории горо-

да. Набережная шумела аттракционами, а «чёртово колесо» тутошние жители отказывались называть «чёртовым», и называли «ангельским». Все имели работу, вполне приличное жильё, все были сыты, нарядно одеты. И даже здешние собаки и кошки выглядели как-то респектабельно. Жёны не изменяли мужьям, а мужья не изменяли жёнам. Чиновники не брали взятки. Пьяные, нищие, хулиганы, воры, а тем более насильники и убийцы – отсутствовали как таковые. Матерного слова никто слыхом не слыхивал. А библиотеки и музеи были самыми посещаемыми местами в городе.

В действительности же всё было совершенно по-другому. Мэр воровал по-чёрному. И по-крупному. Но поскольку он состоял в партии власти, ежемесячно отдавая в партийный общак круглую сумму в иностранной валюте, то столичные власти его не трогали, а на день рождения даже награждали очередным, энным по счёту орденом. «Нашим папой» мэра, конечно, никто не называл, а называли «взяточником» и «охотником». «Охотником», потому что глава города вместе со своими дружками – прокурором, начальником полиции, начальником налоговой службы, начальником таможни, главным эфэсбэшником и немногими прочими (круг лиц был строго ограничен) – частенько уезжал за город на охоту. Прихватив с собой передвижную электростанцию, несколько холодильных камер, брезентовых палаток, мощную аудиоаппаратуру, огромное количество спиртных напитков, еды и пару-тройку дежурных проституток. Чем мэр и его коман-

да занимались на так называемой охоте, догадаться было не трудно. А ещё мэр обирал бизнесменов и на эти деньги возводил себе памятники, дабы увековечить собственное имя в истории города. Местное население на выборах каждый раз голосовало за другого человека, за нового мэра, но, странное дело, каждый раз нынешний глава администрации оказывался победителем. Видимо, потому, что горожане сами заслуживали такого мэра. Поскольку все ненавидели друг друга, завидовали чужим успехам, обманывали родственников, знакомых или соседей. Мужья изменяли жёнам, а жёны мужьям. Чиновники брали взятки. Молодёжь спивалась. Наркомания, драки и убийства были обычным явлением. Людей интересовали деньги, деньги и ещё раз деньги. Так как за деньги можно было купить те удовольствия, которые обильно рекламировались с экранов телевизоров и со страниц газет и журналов. Библиотеки и музеи, естественно, никто не посещал. Людей съедали страсти, инфаркты и раки. Преждевременные смерти были сплошь и рядом. А мрачные лица на улицах – подавляющим большинством. Количество нищих, как и количество бездомных собак и кошек, росло день ото дня.

Атмосфера в городе была гнетущая. И хотя город со стороны моря напоминал нечто среднее между Ниццей, Каннами и Пальма-де-Майоркой, на самом деле город скорее походил на библейские Содом и Гоморру. Мало того, город совсем не баловала погода. Если летом она была ещё ничего, то

остальные девять месяцев года в городе было либо пасмурно, либо лил противный, казавшийся бесконечным дождь. От которого город покрывался вонючим ядовитым грибок. Грибок проникал в полы и стены домов, в водопровод, в лёгкие местных жителей, существенно подрывая их здоровье. От проклятых дождей город раскисал, протухал, гнил, разлагался и постепенно уходил в землю...»

3

Комары сводили с ума. Ничего не помогало. Даже заокеанский спрэй, используемый американскими десантниками. Комары его полностью игнорировали. Они впивались в незащитную кожу Арсения, насыщались кровью и оставляли после себя красные волдыри, которые нестерпимо чесались. Проводнику Чуанчи комары, видимо, тоже доставляли неприятности, но не такие большие, как Арсению. Чуанчи, несмотря на палящее солнце, был одет в рваную телогрейку, ватные штаны, а лицо его защищал накомарник. Тем не менее, и сквозь эту броню отдельные тонко питающие диверсанты прорывались, частенько заставляя проводника ругаться матом. От Чуанчи нестерпимо воняло потом.

«Кукурузник» Арсений оставил в Кижме, дальше продолжив своё путешествие на «газике». Добравшись до посёлка Ванавара, нанял проводника. Всё это стоило копейки. Да и папахен ему существенно помог: обеспечил и «Ан-2», и эки-

пировку, и спутниковую связь, и даже оружие – новенький «калаш» болтался у сына за спиной. Всё было недорого и замечательно. И только лишь комары портили настроение.

– Вот плят, – хлопнув себя по ноге, выругался Чуанчи. По-русски он говорил плоховато, коверкал слова; порой, сам того не ведая, менял их значение. В данном конкретном случае превращая женщину со скверной репутацией в фамилию артиста театра и кино. Арсению такая интерпретация очень даже нравилась. Он и сам уже включил эту новую версию в свой лексикон.

– Сколько ещё до эпицентра? – спросил он у проводника, героически отбиваясь от нападающих комаров, вонзающихся как в голые руки, шею и лицо, так и в закрытые футболкой грудь и спину.

– Шипко пыстро итом, Чуанчи мэсто снаэт, – как-то уклончиво ответил проводник, видимо, не знакомый с загадочным словом «эпицентр».

«Если так и дальше пойдут дела, – подумал Арсений, – то до эпицентра я не доберусь. Они же меня сожрут, на хрен. Обидно будет возвращаться ни с чем.»

Он уточнил своё местоположение по GPS-навигатору, грустно вытащил из рюкзака рубашку и «кодак», подсознательно решив поснимать хотя бы то, что ему досталось. Например, впереди идущего нечёсаного проводника с его допотопной винтовкой Мосина. Или дикие, совершенно дремучие лесные пейзажи. В отличие от папахена, младшего Аб-

раамова не интересовали ни нефть, ни газ, ни сталь, ни алюминий, ни цветные металлы, ни баснословно дорогие яхты, ни футбольные команды, ни отмывание денег для самых высокопоставленных чиновников государства. Младшего Абраамова в жизни интересовали совершенно другие вещи.

За свои неполные двадцать шесть лет он уже успел побывать в пустыне Наска, на Баальбекской террасе, в бермудском треугольнике и на берегах озера Титикака, не говоря уже про Стоунхендж, озеро Лох-Несс или египетские пирамиды. Младшего Абраамова влекли загадочные места планеты. Хотя он, благодаря отцовским деньгам, мог бы в принципе ничего не делать, празднично проводя время на курортах в компании топ-моделей, Арсений решил посвятить себя познанию неведомого, причём на собственные средства. Несмотря на то, что отец поначалу подшучивал над сыном, говоря, что, мол, лох-несское чудовище появляется после пятой рюмки виски, а в бермудском треугольнике люди пропадают лишь потому, что рвут там свои паспорта из-за желания навсегда остаться на райских островах, старший Абраамов в дальнейшем стал всячески поддерживать Арсения, когда однажды увидев сногсшибательные фотографии в ведущих мировых научно-популярных журналах, выяснил, кто является их автором.

Хлоп-хлоп-хлоп! Яркие кровавые пятна остались на рукавах белой хлопчатобумажной рубашки. «Это уже ни в какие ворота. Плят! Я так больше не могу, – Арсений сфотогра-

фиrowал мёртвых раздавленных кровососов. – Я таких комаров не встречал даже в Амазонии. Это же не комары. Это лошади. Надо возвращаться. За фуфайкой или... за космическим скафандром. Он ведь меня предупреждал... А этот чукча-эскимос прёт, как танк, не догонишь. Отрабатывает, гнус, «огненную воду». Надо ему сказать, чтобы поворачивал оглобли...»

Однако ничего сказать резво шедшему по бурелому Чуанчи Арсению так и не пришлось. Потому что проводник-тунгус вдруг сам резко остановился. И встал, как вкопанный. И было понятно, почему. Кто-то, скрытый за зелёными ветками, хрустя валежником, ломился путешественникам навстречу. Какое-то животное, издававшее странные, никогда ранее младшим Абраамовым не слышанные гортанные звуки. Арсений так удивился, что даже про комаров забыл. Но это было только начало. Ему пришлось удивиться снова, когда, столбом стоящий Чуанчи, ни слова не говоря, бросил свой карабин и выдавшую виды котомку и с криком «Чучунаа! Чучунаа!» стремглав кинулся бежать, только подошвы заблестели.

Арсений от неожиданности растерялся. Даже в Амазонии с ним таких историй не приключалось. Но растерялся он буквально на минуту. Далее действовал почти автоматически: скинул с плеча «калаш», снял с предохранителя и во всеоружии стал ждать появления непрошенного гостя. А гость не заставил себя долго ждать.

Хрипя от боли, перед Арсением собственной персоной предстал лось. Совершенно необычный лось. Голова с рогами была от нормального лося, а вот всё остальное его тело было покрыто чем-то ядовито-зелёным, шевелящимся, копошащимся, жутко смердящим. Из-под этого зелёного подвижного смрада густо текла алая кровь. Арсений сначала не понял, во что это лось умудрился вляпаться. Но совсем скоро разглядел, что перед ним... гусеницы. Жирные, огромные гусеницы, которые вместо того, чтобы мирно жевать листья, агрессивно жевали лося. Гусеницы, которые из вегетарианцев странным образом превратились в хищников.

Арсений убрал автомат за спину и ухватился за фотокамеру. «Такие снимки станут сенсацией», – восторженно подумал он. Однако это была последняя его мысль, поскольку что-то колючее и одновременно скользкое вдруг прыгнуло ему на лицо. Он ещё успел сказать «плят», услышать, как в небе, совсем недалеко от него, раздался гул, и тогда уже погрузился в темноту.

4

– Подобные супершоу, – произнёс Армстронг, делая удавление на приставке «супер», – это зеркальное отражение нашего общества, мать его. Следующим шагом будет реальное убийство, транслируемое в «живом» эфире. Договорятся с грёбаным бомжом, так же юридически всё оформят, бумаж-

ки подпишут и будут его часа два гонять в самое рейтинговое время. Кретины.

– Как в том фильме с Ван Даммом? – вставил я слово.

– С кем, с кем?... Ну да. Общественность, конечно, возмутится, хрен ей в нос. Бабушки там всякие, старушки. «Международная амнистия» рот, безусловно, откроет. Права человека. Но что им до этого? Главное, чтобы толпа смотрела. А толпа будет смотреть.

Дура. Вот мы с тобой «Раджу» критикуем, а каждый раз глаза в ящик впериваем...

Шоу, которое мы с Армстронгом имели счастье лицезреть, пока ждали последний выпуск новостей, называлось «Был бомжа, стал раджа». Правда, за всё время проекта ни один бомж до раджи так и не дотянул. Первый был алкоголиком и потребовал сто долларов на каждый день. Умер через месяц от перепоя. От цирроза печени. Второй продержался полгода, разбился насмерть на «Бентли» в Подмосковье. Телеоператоры во всех подробностях засняли катастрофу. У третьего всё вроде бы складывалось прекрасно: роскошный дом, жена-красавица, собственная конюшня. Мы уж думали, раджой паренёк станет. Ан нет. Покончил жизнь самоубийством. Застрелился из пистолета с золотыми накладками. Записку оставил, мол, устал, не могу больше терпеть, что на меня постоянно глазают тридцать шесть миллионов телезрителей. Реалити-шоу «Был бомжа, стал раджа» шло уже четвёртый сезон и имело бешеный успех.

– И этот хмырь загнётся. Жопка с ручкой. Точно тебе говорю. Вот увидишь. Месяцев через девять. Подумаешь, в прошлом учитель истории. Константин вон военным был, «красным беретом». А пулю себе в висок пустил. Мать моя женщина.

Армстронг выдохнул целое облако зловонного сизого дыма, от которого у меня зачесалось в носу. Но словесно бороться с его вредной привычкой я уже давно прекратил. Армстронг курил кальян. Представлявший, с моей точки зрения, некий странный гибрид волшебной лампы Аладдина и паровой машины Вайта. Агрегат бурлил, слегка трясясь и производил на свет божий огромное количество густого тумана, который Армстронг с удовольствием прогонял через свои лёгкие. Я подозревал, что именно благодаря курению кальяна, Юрка и создавал свои неординарные произведения. Что ж, пусть булькает, главное, чтобы на пользу дела. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы ни вешалось.

Юрий Армстронг – это был псевдоним, составленный, аналогично Мэрилину Мэнсону, из имён двух знаменитостей. В данной ситуации имелись в виду Юрий Гагарин и Нил Армстронг. Владелец псевдонима объяснил свой выбор просто. Оба космонавта были первыми: советский – в космосе, американец – на Луне. И он тоже хотел бы быть открывателем. В том искусстве, которое он создавал. Юрий Армстронг был начинающим художником. Но довольно неординарным. У него не было ни кистей и не красок. А были нож-

ницы и клей. Юрий Армстронг был аппликатором. А кроме ножниц и клея у него ещё имелся талант. Замечательный талант. Талант, как говорится, от бога. То, что он делал, завораживало, удивляло, потрясало, заставляло задуматься. У меня лично просто «крышу сносило», когда я смотрел на его работы. Казалось бы, лист бумаги, вырезки из журналов и ничего более. Никакой компьютерной графики. Но таких изумительных картин мне в жизни никогда раньше видеть не доводилось.

Особенно мне нравились «Папа Гитлерюгенд» и «Сталин». На первой был представлен Папа Римский во всём его церковном одеянии, но в шортах и с лицом, очень напоминающим морду волка: пробивающаяся шерсть, оскаленная пасть, клыки. Опирался он на чудовищно трансформированный «шмайсер». На рукаве – повязка со свастикой, на свастике распят Иисус Христос. За спиной – отары овец, стреляющие из зениток по ангелам. Перепуганные мальчики с глазами, в которых отражаются возбуждённые пенисы. Костры – то ли праздничные, то ли сжигающие еретиков. И так далее, и тому подобное. Эдакий современный сюрреализм. В духе Иеронима Босха.

На другой был изображён монстр с двух головах, поедающий собственную плоть. Море крови, горы костей, кучи испражнений. Тело монстра – Россия: берёзки, церквушки, гармошки, матрёшки, бутылки водки, серпы и молоты. Плюс Мавзолей в виде эдакого угловато-безобразного танка с над-

писью на башне «Свобода», выложенной колючей проволокой, и с гусеницами-черепами. Серия называлась «Животные».

С Юркой Армстронгом мы познакомились по Интернету. Он зашёл на мой писательский сайтик, где был один-единственный роман, прочёл его, роман ему понравился, он захотел пообщаться и написал мне. Выяснилось, что мы живём не только в одном городе, но и в одном доме. И поскольку я и он мыслили во многом одинаково, мы встретились и подружились.

Армстронг был существенно моложе меня. Чёрные длинные волосы, стянутые в тугой узел на затылке, бритые височки, чуть-чуть мрачноватый взгляд карих глаз, здоровые белые зубы – вот Юркин портрет. Единственно, что его портило, так это большое овальное родимое пятно на щеке. Коричневое пятно, покрытое рыжеватым пушком. Глядя на него, я почему-то всегда вспоминал областную кожно-венерологическую больницу, в которую, дабы стопроцентно вылечить сына, привезла меня моя мама. Когда она увидела, какими кожными болезнями болеют пациенты больницы, мама воскликнула, боже, в какой ад мы попали!

И действительно, мои псориазные бляшки на острых юношеских локтях, появившиеся, вероятно, на нервной почве из-за смерти отца, казались полной ерундой на фоне тех жутких болезней, что там лечились. Я увидел людей, чья кожа полностью была покрыта экземой. (Их намазывали с головы

до ног какой-то вонючей мазью, но она им не помогала.) Они ужасно страдали. Я увидел людей, мучающихся от тяжёлых форм аллергий. Увидел парня с волчанкой. Увидел взрослого мужчину, сплошь покрытого гнойными нарывами. Он страдал особенно сильно. При надавливании молочно-жёлтый гной вытекал наружу. Там был и человек с шишками под кожей. Говорили, что будто бы у него рак. Но самое сильное впечатление, помню, на меня произвёл дед с «рыбьей чешуёй». (Хотя деду-Ихтиандру, как я позже узнал, было не больше сорока!) Сероватая такая кожа, похожая своим рисунком на чешую рыбы. Даже лицо деда было в ней. Несмотря на этот кошмар, мама всё же оставила меня в больнице, где я за месяц избавился от недуга.

– Время новостей, – сказал Армстронг, переключая канал. – Так ты прогнозируешь, что это последние новости по ТВ, чёрт меня дери? Дальше про это ЧП можно будет узнать только в Нете?

Я не ответил.

Мы посмотрели и послушали новости.

– Да уж... Однако... Ни хрена себе... – оторвавшись от мундштука, Юрка бросил взгляд на мою физиономию. – Что-то ты совсем белый стал, Денис, – Армстронг пыхнул дымом. – Ни кровинки в лице. Ты хорошо себя чувствуешь? Может, тоже курнёшь? А хочешь, коньячку себе налей...

– И что же это такое? – зло спросил он. – Похоже на какие-то ветки.

– Скорей на паутину, – ответил заместитель. – Хотя и на ветки тоже.

– А это, я так понимаю, аэробус. Вот здесь, в центре, в овале.

– Да, аэробус, «А-380», выполнявший рейс по маршруту Франкфурт-Москва-Токио-Нью-Йорк.

– Тут что-то вроде поляны.

– Похоже на то.

– А это, значит, хвост от вертолётa, – генерал Кужугет водрузил себе на нос очки.

– Совершенно верно. «Ми-8», наш, эмчээсовский, связь тоже потеряна.

– А где беспилотник?

– Беспилотник? На снимке его нет. Но вылетал, сто процентов, я проверил.

– Угу. То есть ты хочешь сказать, что самый большой пассажирский самолёт в мире, с почти восьмью сотнями человек на борту по неизвестной причине свалился прямёхонько в точку падения Тунгусского метеорита.

– Так точно. Хотя, должен заметить, термин «Тунгусский метеорит» не совсем верный. Учёные полагают, что это был

не метеорит, а комета. И взрыв произошёл в атмосфере.

– В каком году? – генерал отложил в сторону снимок.

– В 1908-м.

– Это, получается, более ста лет прошло. Угу.

– И, что интересно, 22 года спустя практически аналогичные события произошли в Бразилии, в Амазонии. Тамошний взрыв назвали Бразильская Тунгуска.

– А в Бразильской Тунгуске самолёт на днях не разбивался? – генерал почесал седой ёжик на затылке.

– Пока нет. Только у нас.

– Ладно. Давай дальше.

– Ну что ещё? По непроверенным сведениям, местное население, а именно очевидцы катастрофы «А-триста восьмидесятого», все, как один, заявляют, что аэробус перед тем, как упасть, летел задом наперёд.

– Задом наперёд? Хм. Но самолёты, насколько мне известно, так летать не могут, – Кужугет снова придвинул к себе гугловский снимок.

– В том-то и дело, – заместитель подглядел в свою чёрную папочку и продолжил: – Складывается впечатление, что мы столкнулись с чем-то, не вписывающимся в традиционные несчастные случаи, с которыми мы привыкли работать. Структура, похожая на некое странное ветвистое образование, по всей видимости, представляет собой аномальное явление, ранее нам неизвестное.

– Что говорит наука? – министр снял очки, выдвинул

ящик письменного стола, за которым сидел, вытащил лупу, и стал через неё рассматривать фото.

– Передвижная лаборатория на месте, образцы структуры взяты, во время исследования отравился один человек. Сейчас он в реанимации. По предварительным данным вещество обладает токсичными свойствами, быстро регенерирует, очень быстро растёт. За последние сутки поражённая им площадь существенно увеличилась. Аномальное явление захватывает всё большие и большие территории. И процесс, судя по динамике, ускоряется. Предпринятые меры – отселены жители посёлков: Ванавара, Тетеря, Муторай. Район распространения оцеплен отрядом МЧС.

– Радиация есть?

– Обычный фон.

– А как эта хреновина реагирует на огонь?

– Пытались воздействовать. Не горит, а только плавится, выделяя при этом ядовитый газ.

Министр убрал в стол лупу, откинулся на спинку кресла; внимательно посмотрев на заместителя, подумал: «Если не справлюсь с этим дерьмом собачьим, займёт моё место, как пить дать... А меня в отставку, рыбу удить... А вот вам всем... Я так просто не сдамся... Есть ещё порох в пороховницах у Кужугета...»

– Что ж, резюмируем. – сказал генерал. – Аэробус «А-380» терпит аварию в точке падения Тунгусского метеорита. Вертолёт МЧС, отправленный на место гибели, необъ-

ясным образом разбивается. Беспилотный самолёт, вылетевший на поиски вертолётa, тоже исчезает. А из эпицентра катастрофы расплзается какая-то пакость, с которой наша служба никогда ранее не имела дело. Так?

– Совершенно верно.

– Выходит, это именно та ситуация, которой мы всегда потенциально опасались, но к которой никогда не были готовы, потому что не верили, что она когда-либо произойдёт. Ты понимаешь, какую ситуацию я имею в виду?

– Понимаю, – заместитель снова сунул нос в свою чёрную папочку, ловким движением фокусника извлёк из неё лист бумаги и произнёс: – Так-то оно так. Но вот есть одно удивительное обстоятельство. Аналитический отдел подготовил, знаете ли, справочку, которая возможно расставит все точки над «ё»...

6

Шли, растянувшись в цепочку, с интервалами десять метров, так, чтобы последующий видел впереди идущего. Первым двигался Морда, за ним Бен Ладен, потом Баскетболист, ну а замыкали Химик и Дед Мороз. Перед тем, как вошли под «маскировочную сетку», ещё двигаясь скопом, расстреляли стаю зайцев-людоедов. Это местные им уши прожужжали, что, мол, многие лично видели, как зайцы искусали Чекарена-скотника, чуть до смерти того не загрызли. На са-

мом деле никто из пятёрки ничего подозрительного в поведении зайцев не заметил. Зайцы были как зайцы. Ну, может быть, несколько более крупноватые, чем обычные. Но на всякий случай оставили от них одни клочья. Пошалили, так сказать. Благо командир не возражал.

А вот, когда небо закрыла «маскируха», тогда шалить перестали, поутихли. Сперва замороженно рассматривали её, словно диковинку диковинную, вверх головы задрав и медленно ступая, под ноги вовсе не смотря, а после попривыкли малость и пошли побойчее, хоть и со страхом – куда же без него?

Компас под «сеткой» не работал. Ориентироваться пришлось по главным «стволам», от которых «ветки» тянулись в разные стороны. Командир шёл последним, нёс сумку объёмную с красными пластмассовыми вешками. Периодически втыкал их в землю. С таким расчётом, чтобы, стоя у одного ориентира, был виден другой. Чтобы по ним потом назад выбраться, значит.

Дед Мороз в отличие от остальных четверых умудрился спирт аж до самой базы втихую пронести, а, когда облачатся начали в противохимические костюмы, все двести граммов внутрь себя и вылил. Поэтому идти ему было веселей всех, правда, мысли грустные нет-нет да в голову его и забредали.

«Купили нас за фунт изюму. Понаобещали золотые горы. По миллиону долларов на рыло. А мы, как дураки, согласились. А куда деваться-то было? Дальше гнить, что ли? Мы

же типа штрафников. Нас ведь списали подчистую. Кто под сокращение попал. Кого за пьянку выгнали. Мы же все вели жалкое существование... Только зря мы согласились... Никто из нас миллиона не получит. Все мы тут передохнем. И к бабке не ходи...

Как в том телешоу, где из бомжа пытаются богача сделать, да всё никак у них не получается. Суки! А потом его имущество назад забирают и следующему идиоту голову морочат... Это что ж, и у меня так же костюм на заднице болтается, как у Химика?

Смешно, словно в штаны наклал... На него одного у меня надежда. Может, мы с Химиком судьбу-то и обманем. Уцелеем и победителями вернёмся... Я ж в этом биологическом оружии ни хрена не понимаю. Хоть и вдалбливал мне инструктор свои грёбаные формулы... Ботаник... Ишь какая сволочь повылазила. Всю страну скоро сожрёт. А всё из-за этих мозгляков. Придумают гадость и давай её на людях испытывать. Фашисты... Мало мы их били в Великую Отечественную... Внучатые племянники Гитлера...»

– А эта хрень к дереву присасывается и из него соки пьёт, – сказал Морда угрюмо. – От лиственницы ничего не осталось. Один голый скелет стоит.

– Правда, что ли? – спросил Бен Ладен.

– Дойдёшь, сам увидишь. А какой толщины у неё «усы», знаете? – продолжал Морда. – Толщиной с руку.

«Сетка» радиосигнал экранировала. Связи с диспетчер-

ским пунктом не было никакой. Но под «маскирухой» переговоры вести было можно. Чем разведчики и занимались.

– Курить охота – сил нет, – в наушниках Деда Мороза раздался голос Баскетболиста.

– А я бы соточку дёрнул, – снова встрял Бен Ладен.

– Может, тебе ещё и бабу? – хихикнул Баскетболист.

«Разговорились ребята. Надо бы им язычки-то подкоротить», – подумал Дед Мороз, а вслух гаркнул:

– Отставить! Связь только по делу. Смотрите лучше по сторонам, не равён час, какое-нибудь западло зайвится. Западло, оно рядом. Здесь восемьсот человек гребанулось. Не забыли? А вы языками чешите. Инструкцию нарушаете.

– Ты меня на инструкцию не бери, – ответил Морда. – Что ты мне сделаешь? Пристрелишь? Так меня эта мутотень в любой момент сожрать может. Напугал ежа голой жопой.

«Огрызается, тварь. И действительно, что ему сделаешь? ...От кого угодно ожидал таких слов, но только не от Морды. А другие как раз-таки молчат. На тренировках паинькой был, подчинялся каждому моему приказу. Рожа прыщавая. Харя щербатая.»

– Ладно. Проехали. Ты мне давай скажи, что там у тебя дозиметр показывает, – чтобы сгладить ситуацию, командир перевёл разговор в другое русло.

– На приборе – норма. Естественный фон, даже ниже, – отозвался первый номер.

«Дозиметр ему дали ещё советский. Полтонны весом.

Сэкономили, гады, – подумал Дед Мороз. – ...Надо бы отлить. А то что-то жидкости во мне много поднакопилось.»

Он помочился в мочеприёмник.

«От жары вонять будет. Стопроцентово.»

– Курить хочется до... обледенения, – опять заныл Баскетболист.

И тут ни с того, ни с сего заорал Морда. Благим матом.

7

Ты что же, поц вонючий, совсем оборзел? На главу ФСБ с кулаками кидаешься. В своих англиях и америках от рук отбился, что ли? Обезьяна небритая. Совсем страх потерял? Хочешь, чтобы я тебя за мошонку ухватил? Так это мы мигом. Пятьдесят пять цистерн с соляжкой, что ты умыкнул в девяносто втором, живо припомним. Забыл, макака бесхвостая? Свободы за границей нанюхался? Если бы ты был финансовым воротилой в Штатах, то тогда да, тогда президент и его кодро у тебя на цырлах бы ходили. Как марионетки. В кулаке бы их держал. Но только ты, скотина неблагодарная, из России родом. И поэтому мы здесь решаем, кому быть олигархом, а кому нет. Понял? Вот так вот. На, сопли свои кровавые оботри, а то смотреть на тебя тошно. Я вашего брата, еврея, терпеть не могу, а тут еврей да ещё в придачу с разбитой сопаткой. Хуже – только еврей в пейсах. Что ты там мычишь, корова безрогая? Что? Ну я понимаю, что у тебя сын

исчез. Что ж я совсем Железный Феликс? У меня у самого сын имеется. В козырном банке, между прочим, служит. А не то что твой раздолбай. По всему миру, как этот... как хиппи, мотался да туда, куда не надо, нос свой длинный еврейский совал. Космополит хренов. Сидел бы в Лондоне или в Нью-Йорке, в университет ходил, девок на задней парте трахал. Не смотрел ты за сыном, Рома, вот и потерял его. А с детьми нужно строго, иначе упустишь и кранты. Спросить тебя хочу. К водке ты как теперь относишься? Кушаешь её, родимую? Или на виски перешёл? Давай по сто пятьдесят нака-тим, чтоб настроение поднять. Хватит слюни пускать. Вот так. Молодцом. А то с кулаками на меня лезет. Александр Петрович, куда Арсения дел? Ты что же, дурья твоя башка, думаешь, что мы бы тебе не сказали, если бы его нашли: хоть покалеченного, хоть мёртвого? Мы ведь даже вещей его не сыскали, Рома. Сыскари, называется. Понимаешь? Пропал он в дыре этой чёрной. Вместе с проводником своим пропал. Давай ещё выпьем. Ага. Наливаю. Чтобы нашёлся твой мальчик. Хорошо пошла. Ты закусывай, закусывай. Не стесняйся. Вот огурчик, вот помидорчик. Вот колбаска копчёная, шницелёк, хлебушек. Мацы, правда, нет. Ну извиняй. Да не обижайся ты. Юмор у меня такой. Солдатский. Ага. Что подела-ешь, солдаты мы. Невидимого фронта. Светским манерам не обучены. Ты правильно сделал, что не к Папе пошёл, а сразу ко мне. Папе сейчас не до этого. И Папа, и Сынок сейчас более важным вопросом занимаются. Мировым обществен-

ным мнением. А шишки все на мою голову сыплются. Вот тебе тяжело, Рома, я понимаю. А, ты думаешь, мне легко? Восемьсот человек как в воду канули. И большинство из них, кстати, иностранные граждане. И у каждого родственников пруд пруди. И всем надо ответить, где делся аэробус и что случилось с пассажирами. А что я им отвечу, Рома? Давай. За наше с тобой здоровье. Чтоб пережить эти кризисные дни. Зажёвывай, зажёвывай. Ты думаешь, это аэробус упал? Это не аэробус упал, это, по большому счёту, наше с тобой будущее разбилось. Хотя... Хотя, может быть, ещё получится кое-что исправить. Загадками говорю? А разве не загадка эта чёртова аномальная зона? Ну откуда же мне знать, что она такое? Вы же, евреи, умные люди, вот сам и подумай, что это может быть. Покумекай. Пораскинь мозгами. В носу поковыряйся. Что, дупель блан? Это тебе не яхту за миллиард баксов купить. Ха-ха-ха! Как у тебя кровушка? Не прекратила бежать-то? Ну и ладненько. Нет-нет, не надо, себе оставь. На память. У меня ещё есть. Что-то мы с тобой, Рома, остановочку большую сделали. А водка выдыхается. Портится продукт. За нашу победу. Эх! Ведь мы с тобой по сути одно и то же дело делаем. Ты по-своему, я по-своему. Порядок в стране наводим, да во всепланетном масштабе – тоже. Я, директор ФСБ, и ты, российский олигарх с оперативной кличкой Сара. Да не тушуйся ты. Я, что ли, твою вербовку проводил? До меня было. Не я тебе и кличку такую придумал. Ну а что написано пером, как говорится... С юмором у нас ребятки.

Без него нам ох как не сладко. Работа-то адовая. Допить надо, Рома, и доесть. А как иначе. «Надо» – есть такое слово. Партия сказала «надо», комсомол ответил «есть». Вот умница. Горжусь тобой. Наш человек. Комсомолец. Не зря мы тебя выбрали. Люблю тебя, ей-богу. Дай-ка я тебя в губки-то чмокну. Сарочка ты моя ненаглядная.

8

Боль, внезапно возникшая утром в правом виске, к обеду расплзлась тяжёлым свинцом по всей лобной части черепа. Ощущение было такое, словно ты умираешь. Навалилась полная апатия, и мысль «а пошло оно всё к чёрту» занозой засела в мозгу.

Усилием воли он заставил себя помассировать болевые точки, но от этого стало только хуже. Конечно, нужно было бы принять таблетку «от головы», однако, во-первых, он был против всяких таблеток, и их просто не было дома, а, во-вторых, до аптеки было далеко идти. Безумно далеко.

Он знал, почему у него болит голова. Она болела не с похмелья (вчера они с Армстронгом выпили всего лишь по рюмке коньяка). Голова болела от страха. От гадкого чёрного страха, вот уже несколько дней как поселившегося в нём. До обеда он ничего не делал, только, неподвижно сидя на стуле у окна, смотрел на море. А к часу дня так привык к тупой тошнотворной боли, что даже начал испытывать от этого

некоторое удовольствие, будто садомазохист.

«Спрячусь у Вики, – подумал он и тут же мысленно улыбнулся. – Смешно. Найдут в два счёта. Только уезжать из города. Да подальше. В другой конец страны. А там жениться и взять фамилию жены. Найдут. Надо бежать за границу. А вся эта возня с сайтом, уничтожение файлов – так, ерунда, закапывание головы в песок.»

В поле зрения Дениса возник его старый знакомый – вишневого цвета турецкий балкер, на этот раз покидающий порт, по ватерлинию гружёный ржавым железом. Денис взял с подоконника бинокль, отрегулировал резкость. «Так и есть. «Мустафа Ибрагим. Стамбул. IMO-номер такой-то».» На корме судна стоял турецкоподданный, в одних шортах, с растянутой шириной и мочился за борт. На лице у турецкоподданного сияла блаженная улыбка. У турецкоподданного голова не болела.

Запищал электронный будильник, запрограммированный на полвторого. Денис включил тюнер, потом телевизор, набрав на дистанционке нужную цифру. Спутниковая антенна, установленная на балконе, зажужжав, стала поворачиваться. Антенна поворачивалась очень медленно. И очень громко.

На экране возникла голова седовласого пожилого человека в очках с сильными линзами. Был виден также белый воротник его рубашки, а за спиной – довольно высокая спинка кресла-трона из красноватого дерева. Ещё дальше – нечёткие цветные фотографии в рамочках на стене.

– ...«Теория бога» сродни «Теории Деда Мороза», – низким тихим голосом сказал человек. – И там, и там: ожидание чуда, таинственность, надежда на лучшее. Иисус Христос – это эдакий Дед Мороз, который однажды придёт на землю и раздаст подарки тем, кто их якобы действительно заслуживает. Отличие в том, что «Теория бога» – для взрослых, а «Теория Деда Мороза» – для детей.

– По-моему, у вас сегодня очень хорошее настроение, и вы просто шутите, – прокомментировала журналистка, оставшаяся за кадром. Голос у журналистки был бархатистый.

Седой человек никак не отреагировал. Лишь поправил сползшие на нос очки. Взявшись двумя пальцами за окуляр, вернул их на место.

– Пожалуй, я всё же делаю большой комплимент «Теории бога», сравнивая её с «Теорией Деда Мороза». На самом деле «Теория бога» гораздо ближе к «Теории коммунизма». Обе они оставили после себя в истории длинный кровавый след. Хотя у

«Теории бога» след-то подлиней будет и покровавей.

Девушка оказалась прехорошенькой. Коротко стриженные каштановые волосы, серые глаза, ярко-алые накрашенные губы, ямочки на щеках, курносенькая. Когда говорит, хитровато улыбается.

– А смысл жизни? В чём он, как вы считаете?

– Можно ли найти в тёмной комнате чёрную кошку, которой в ней никогда не бывало? – вопросом на вопрос отве-

тил интервьюируемый и продолжил: – Как можно отыскать то, чего не существует? Что бы мы ни делали, бессмысленно всё. Однако многие верят, что это не так. Пытаются придумывать собственные смыслы. На самом деле мы живём не в поисках смысла жизни, а в поисках удовольствий. Для нас удовольствия вот смысл жизни.

– То есть вы полагаете, что бороться за свои гражданские права человечеству не стоит? И все эти акции: «Захвати Уолл-стрит», «Захвати Лондон» и так далее – не имеют никакого смысла? А первая и вторая Белые революции – пустая трата времени?

«Похоже, за такие вот вопросы её и прозвали Собака-кусака», – подумал Денис.

– Кто я такой, чтобы советовать другим, что им делать, а что – нет? Я только хочу обратить ваше внимание, милая барышня, что все эти люди, пришедшие протестовать, и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Москве, не требуют накормить голодающих в Африке или вылечить, скажем, больных СПИДом детей или помочь пострадавшим от катастроф, все эти люди требуют лишь большой кусок для себя, поскольку в мире делёжка пирога происходит крайне неравномерно.

– Именно поэтому вы не участвовали ни в первой, ни во второй революциях?

– Какие революции, мне в следующем году стукнет семьдесят?

Собака-кусака скосила глаза, видимо, кинула быстрый

взгляд в шпаргалку, лежащую на столе, и снова набросилась на добычу. Чёрное платье у журналистки было строгое, но стильное, и оно ей очень шло.

– Космические полёты. Нужен ли нам вообще космос? В последнее время интерес к нему как-то поубавился. Я имею в виду, отправятся ли люди когда-нибудь к другим планетам Солнечной системы, в дальний, так сказать, космос?

– Тут бы с ближним разобраться. Длительные орбитальные полёты отрицательно сказываются на космонавтах. Если они и не становятся инвалидами, то существенно подрывают своё здоровье. Думаю, на других планетах Солнечной системы нам делать нечего.

– Сидите, люди, на матушке-Земле и не рыпайтесь.

– Совершенно верно. Известно ли вам, что член экипажа МКС в день получает дозу радиации, примерно равную дозе облучения человека на Земле за год?

9

Я несколько раз терял его из виду и поэтому добавил газу. Однако самого момента, как он кувыркнулся, так и не просёк. Вот только что мелькнула среди разлапистых зелёных веток его коренастая фигура, с трудом втиснутая в камуфляжный комбинезон с кислородным прибором на спине, и вдруг – бац, исчезла, как не бывала, а в наушниках – мат-перемат да тяжёлое дыхание с перепугу.

У меня у самого сердце сжалось, когда это произошло. А когда я поближе подобрался и увидел, как он на ровном месте руками-ногами двигает, а встать не может, так вообще чуть ли не сознание помутилось.

Я его спрашиваю, Морда, чего это ты свалился, спотыкнулся, что ли? А сам уже ловлю себя на мысли, что ответ я и без него знаю. Не спотыкался он. А Морда на меня сквозь стёкла своего противогаза смотрит и так это печально говорит: «Вытащи меня отсюда, Ладен. Попал я, дружище. Вытащи, дай руку, братуха».

Я бы ему руку, конечно, не подумавши хорошенько, протянул, да что-то меня остановило. А тут ещё и окрик Деда слышу: «Отставить! Не трогать! На обратном пути заберём». «Как же, – думаю, – заберём. Рассказывай сказки. Он ведь приговорённый».

Финита. Никто и пальцем не пошевелит. Будет здесь валяться, пока не окочурится. А если какие-нибудь зайцы бешеные сожрут, или из своего пистолета застрелится, так это за счастье.»

Ну что мне было делать? Понимаю ведь, что теперь моя очередь этот ад на себе испытывать, а никак не отвертеться, знал, на что шёл. Перекляцнул я ПППШ на одиночные выстрелы, пальнул разок по направлению движения да побрёл туда, куда пуля моя угодила.

А Морда ещё минут...дцать (часы ведь ни фига не ходили) попроклинал всех: от меня до Деда, а от Деда до самого

министра обороны, а потом замолчал, словно смирился со своей горькой участью, что ему корячилась. Или, может, поверил, что на обратном пути его заберут, не знаю. А перед тем, как замолчать окончательно, сказал лишь загадочную фразу напоследок: «Скользко тут до охрещения» и затих на веки вечные.

А я иду себе по лесу, и перед глазами у меня картинка, как Морда, будто жук какой-то, на спине лежит и лапками перебирает, а подняться не может, и дозиметр его стопудовый на груди стоит вертикально, вверх тормашками, словно земное притяжение на него не действует, и почему-то не падает. И ещё другая картинка мне в сознании отпечталась (это, когда я Морду искал, увидел): высосанное до трухи дерево, оплётённое жуткими противными «усищами», что с «сетки» повешивались.

«Ну и зона, – думаю, – ну и дьявольщина. Что от неё мне теперь ждать-то?» Однако ж ничего необычного она мне вроде как пока не уготовила. Иду себе, с автоматом наперевес. В случае чего, стрелять буду. Патронов не пожалею.

И прошёл я без проблем особых шагов эдак с тысячу, или даже полторы, не считал я, сколько; точнее, считал, но на пятистах с чем-то сбился. Всё время постреливал одиночными, да по сторонам то и дело поглядывал. Но никакой пакости со мной, слава богу, не случилось. И даже страх понемногу из меня улетучиваться начал. И тут я серебристое что-то увидел. Пускает в глаза мне «солнечный зайчик», что сквозь ды-

рочку в «сетке» пробился, да стоит себе спокойненько так, будто поджидает, когда я подойду.

Оказалось – беспилотник. Носом в землю уткнулся, шасси вверх задрал, крыло одно сломано, шаровидной телекамерой на меня посматривает, что тот циклоп. Дед сказал, не прикасаться, следовать дальше. Я только ввысь, на «сетку», глянул – никакой дырки. Пробил беспилотник «сетку», на землю свалился, а «сетка» пробоину-то и затянула. Неба почти не видать.

«Чуть-чуть не долетел он до вертолёта», – подумал я. Наш-то рейд был спланирован таким макаром, чтобы мимо «Ми-восьмого» нам пройти довелось. И где-то ещё шагов через двести, как мы и рассчитывали, вертолёт нарисовался.

«Маскируху» разодрал, но до земли не достал, за ветки обычных деревьев зацепился, застрял, а хвост по ту сторону «маскирухи» остался. С земли не просматривается. Пропеллер погнут, можно даже сказать, искорёжен, а стекло кабины целёхонькое. Но в кабине нет никого, и только дверь боковая – нараспашку. А от кабины до меня метров где-то тринадцать, не меньше. «Как же это они, – думаю, – из неё выбрались?»

Только я это подумал, слышу – движение какое-то слева, метрах в семи от меня. Именно услышал движение, а не увидел. Не звук уловил ухом, а движение. Чёрт его знает, как это у меня вышло. Подхожу поближе, автомат, естественно, в руках. Лежит кто-то на траве. В противохимическом костю-

ме, таком же, как у нас. Противогозом вниз, спиной вверх. А вся спина его и особенно кислородный прибор пылью покрыты. Толстым слоем. Я даже вспомнил ламповый телевизор, который я когда-то давным-давно чинил. Там лампы так же пылью покрыты были.

Ясно – вертолётчик. Один из тех трёх, что пропали. Я – к нему, чтобы на спину перевернуть. А он не переворачивается. Жутко тяжёлым оказался. Я тогда Деду доложил, что почём. Он, правда, действия мои не одобрил, но, раз ничего со мной не приключилось, разрешил Баскетболисту подойти, помочь. Баскетболист хоть от горшка и два вершка, но сильный паренёк, на тренировках стопятидесятикилограммовую штангу поднимал.

Подошёл он, и вместе с ним мы вертолётчика вмиг перевернули. А с той стороны такая же история. И поверхность костюма, и противогоза пылью покрыты. «Что это он, – думаю, – пыль, как пылесос, на себя притягивает?» А сам при этом стёкла противогоза протираю. А как протёр до прозрачности, так и обомлел от удивления. Сквозь стёкла противогоза на меня своими вечно закисшими глазами Морда смотрит! Да ещё, гад, и подмигивает! Его это рожа, резиной обтянутая. Она, что ни в один противогоз не влезала. Точно, говорю. Не мог я ошибиться. Мамой клянусь. А, как узнал я его, то тут же почувствовал, что мир вокруг меня начинает вращаться, а земля стремительно уходит из-под ног.

«...Клетки, клетки, клетки, клетки, вольеры. Снова вольеры. Опять клетки. Фигурами они были похожи на людей, а вот головами и конечностями – нет. Животные, птицы, рыбы. Лапы, крылья, плавники. В большинстве своём – молчаливые, тихие, покорные.

Прирученные, одомашненные, усмирённые. Тем, кто хотел летать, подрезали крылья. Тем, кто хотел плавать, – плавники. Тех, кто хотел бегать, стреножили. Следующие поколения уже ни летать, ни плавать, ни бегать не умели.

Он остановился у клеток с обезьянами: шимпанзе, гориллы, орангутанги, бобуины, павианы и прочие макаки. Обезьяны строили рожи, хихикали, горевали, показывали языки, чесались, издавали громкие гортанные звуки, ковырялись в задницах; на виду у всех, никого не стесняясь, совокуплялись. Были одеты пёстро: яркие цвета, блестящие побрякушки, модное тряпье. Хари размалёваны косметикой. Причёски – обезьяньи.

«Шуты гороховые, – подумал он. – Клоуны ковровые. Строят из себя элиту. А сами – хлам, холуи, подстилки, блюдолизы. В былые времена их ни во что не ставили. А теперь – бомонд, лица нации. Все обложки журналов рожами своими загадили. Баснословные гонорары. Шестиразовое питание. Порошок – тоннами. Эти никогда не были опасны. Все-

гда подчинялись приказам. Скажут им «смейтесь», они смеются. Скажут «плачьте» – плачут.»

Он поискал в кармане. Бросил им мелочь, несколько медяков. Обезьяны прыгнули, сбились в кучу, стали толкаться, драться, рвать у соперников одежду, волосы. Ему доставляло удовольствие смотреть, как они таскают друг друга за загривки. Это было комично.

«Были пара-тройка диких. Дали им харча побольше, говно за ними убрали, опилок насыпали, вымыли шерсть, одеколоном сбрызнули. Теперь заткнулись. Глазами лупают. В игрушки играют. Всем довольны. Равнение на человека. Одно слово – обезьяны.»

В клетках с птицами кого только не было. И вороны, и цапли, и павлины, и пеликаны, и удода. В основном – с длинными клювами. Чистили пёрышки, оттачивали перья и когти, распускали хвосты, расчёсывали хохолки. Творческая интеллигенция. Писатели, художники, режиссёры. Курлыкали, каркали, кудахтали, хвастались гнёздами, медалями и орденами.

«Мигрировать хотели в земли райские, обетованные. Да кому они там нужны? А здесь – почёт и уважение. Главное, знать, как угодить человеку. Как подластиться. Наград хватало. Ходят гоголем. Адольф Гитлер сказал однажды. Цена медали – двадцать пфеннигов, а эффект от неё – двести марок. Давил, давил он длинноносых, и газом травил, и в печах сжигал, да не додавил. Неистребимы. Глупый он был в

этом вопросе, отчего и пострадал. Надо было их не давить, а на службу к себе взять. Как Иосиф Сталин. У него длинноносые все при деле были. Даже начальниками Лагов их поставил. Фабрики смерти работали, как часы.»

Он сыпанул птицам горсть побольше. Среди медяков блеснул и никель.

Вольеры для слонов, бегемотов, носорогов решёток не имели. Лёгкое ограждение по периметру. Правда, под током. Десять тысяч вольт. Смерть мгновенная, если попытаешься перелезть. Но они не пытались. Нежились себе на солнышке, плавали в голубой водице, обильно похрустывали деликатесами. Увидели его, подобострастно зашевелили ушами, умастили морды, пастями зашамкали «ура! браво! бис!», затрусили головами в поклоне.

«Пусть себе жируют. До поры, до времени. Настанет час, пушу их всех на мясо. По одному, чтобы не спугнуть. А пока пусть резвятся. Покупают машины, драгоценности, яхты, футбольные клубы, телевизионные каналы, промышленные предприятия. Пока пусть работают на меня. Я им ничего не должен. А вот они должны мне очень много. Практически всё, что у них есть.»

Он улыбнулся своим замечательным мыслям и по красной ковровой дорожке направился к клеткам с рыбами. Его чёрный двубортный пиджак был привычно застёгнут на все пуговицы. Снизу доверху.

В отличие от вольеров с бегемотами, слонами и носоро-

гами клетки с рыбами выглядели печально. Не сами клетки, а их обитатели. Пустые, выпученные глаза, беззубые, жадно дышащие, бессловесные рты. Рыб вынули из воды, но нормально дышать воздухом они так и не научились. В его зоопарке рыб было намного больше, чем других обитателей. Разных видов, сортов, названий, форм, размеров, расцветок, разной свежести. Но для него они были самыми безвредными, самыми серыми существами в зверинце, все – на одно лицо, точнее, на одно рыло. На одно тупое рыло.

Он пошарил в кармане. Однако мелочи больше не нашлось. Тогда он поскрёб на самом-пресамом дне и бросил рыбам две-три хлебные крошки. К сожалению, рыбы на крошки никак не прореагировали. Наскучившись смотреть на полудохлых рыб, он сперва хотел отправиться к клеткам с козлами, ослами, баранами или со свиньями, но потом передумал («а ну их к лешему, бунтовщиков!») и решил навестить своих любимцев – собак.

К дворнягам он не пошёл. Чувствовал к ним брезгливость. В любой момент подведут, если кто-то ещё из людей поманит костью. Сразу направился к породистым, с родословной; эти были, что надо.

«Овчарочки мои, терьерчики, ротвейлеры, бульдоги. Как я вас обожаю. Вы – моя опора. Не было бы вас, поразбежалось бы зверьё, поодичало. А с вами – порядок в зоопарке, гармония.»

Он просунул между прутьев решётки носок своего чёрно-

го ботинка. Собаки кинулись тереться, радостно повизгивая. С умилением вспомнил, как они выручали его в трудные минуты, как рвали на части неудобных, как преданно служили. Обратил внимание, что коричневатый буль-терьер с золотым ошейником (так же, как другие, встав на четвереньки) принюхался и принялся лизать носок ботинка.

«Кто же это? Что-то не узнаю. Мать честная, да ведь это же Кужугет. Один из самых близких друзей. Как это я запмятовал? Старею, наверное.»

Он усмехнулся. Вот оно, счастье. Если забываешь морды силовиков, значит, в государстве тишь да гладь, да божья благодать.

И тут его, как молнией, прошила острая боль в ноге. Просто разорвала сознание от неожиданности. И к ужасу своему он увидел, что верный пёс Кужугет, вцепившись мёртвой хваткой в ботинок, стягивает его вместе с носком в клетку.

А из-под носка вместо окровавленной человеческой ноги вылезает окровавленное копыто...»

11

По-лисьи прищурившись, Изольда Божова задала очередной свой вопрос:

– А как вы относитесь к Тунгусской аномалии? Что вы по этому поводу думаете? Что это может быть?

Натан Ругацкий, опустив совершенно невинные глаза,

несколько секунд помолчал, а затем изрёк нижеследующее:

– Кажется, у Курта Воннегута есть рассказ – не помню, как называется —, в котором говорится о том, что однажды американские астрономы обнаруживают в Море Нектара на Луне странный кратер. Кратер этот по неизвестной причине вдруг начинает расти, увеличиваться в масштабах и всё такое прочее. А на Земле в то же самое время, но не в Америке, а у нас, на Кавказе, также вдруг ни с того, ни с сего проявляется сейсмическую активность давно остывший вулкан. Возникает невиданных доселе размеров гора, а из жерла, того и гляди, выльется лава.

Известный писатель-фантаст сделал паузу и продолжил:

– Ну вот. А, присмотревшись получше, американские астрономы приходят к неожиданному для себя выводу, что странный лунный кратер своей новообразованной формой слишком уж смахивает на, извините, вульву. А русские сейсмологи, отправившиеся на исследования кавказского вулкана, видят, что его очертания – ну вылитый, ещё раз простите, penis в состоянии эрекции. И, позвольте заметить, эрекция эта только усиливается.

У журналистки глаза полезли на лоб, а рот приоткрылся.

– А так как Луна всегда обращена одной стороной к Земле, – невозмутимо излагал Ругацкий, – то на линии кратер-вулкан, то бишь, вульва-penis, в какой-то момент возникло взаимное притяжение. Да настолько сильное, что однажды, нарушая все законы движения космических тел, Лу-

на и Земля стали сближаться друг с дружкой. А тем временем бедное человечество в страхе застыло и ждёт, когда нектарная вульва наконец притянет к себе наш кавказский пеннис, полный огнедышащей лавы.

– И к чему вы всё это рассказываете? – придя в себя от удивления, настороженно спросила Изольда.

– А к тому, милая барышня, что подобная вульва постоянно грозит жителям нашей планеты, будь то астероид, всемирная эпидемия или метеокатастрофа, и, не исключено, что то, что теперь происходит в районе падения Тунгусского метеорита, то бишь, в районе падения германского самолёта, эта самая вульва и есть. К сожалению, очень мало сведений поступает оттуда, чтобы сделать более определённые выводы.

– Насколько я помню, у Курта Воннегута нет такого рассказа. По-моему, эту историю вы только что выдумали от начала до конца. Признайтесь, я вас раскусила, – Божова смотрела на Ругацкого, не мигая, ожидая, что тот в ответ хотя бы улыбнётся.

Но престарелый писатель-фантаст даже бровью не повёл. Он холодно посмотрел на молодую журналистку и гордо заявил:

– О похожей таинственной зоне я написал ещё в 1971 году в повести «Завтрак у дороги». И поэтому являюсь первым в мире писателем-фантастом, кто её предсказал.

Изольда согласно кивнула и, опять сверившись со шпаргалкой, произнесла:

– Кое-какую информацию о Тунгусской аномалии можно почерпнуть в Интернете на сайте www.tunguska-net.ru. Как вы считаете, почему российские телеканалы не освещают трагедию с аэробусом, и только западные масс-медиа, и в частности Би-Би-Си, как мы сейчас, затрагивают эту тему?

Натан Ругацкий что-то ей ответил, однако Денис уже больше не слушал, о чём говорил его всемирно известный коллега по перу. Денис обеими руками ухватился за мысль, только что высказанную Ругацким. «А ведь это моё спасение – спрятаться за широкой спиной мировой знаменитости.» У Дениса даже головная боль поутихла.

Он выключил телевизор. Включил компьютер. Отремонтированный ноутбук запустил программу. «Самсунг», «Самвысунг», – у Дениса поднималось настроение. На «рабочем столе» высветилась картинка-заставка, выдержанная в красно-чёрно-белых тонах – марширующие молотки от Джеральда Скарфа.

В гугловском поисковике Денис набрал адрес, указанный Изольдой. На сайте было несколько обзорно-аналитических статей и одно видео. Денис выбрал видео. Качество было паршивенькое, «пластилиновое», снимали на мобильный телефон, но длинную надпись прочесть было можно. То, что Денис прочёл, снова повергло его в шок:

«...И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека

на земле, и воскорбел в сердце Своём. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил...» Это была написанная на стене цитата из библии.

Дальше шли короткие надписи, не имеющие к библии никакого отношения: «Во всех наших бедах виноваты только мы сами», «Мы вас не боимся», «Срать мы на вас хотели», «Да имели мы вас». (Рядом с последней – красовался примитивный рисунок,

изображающий то, каким образом мы их имели.)

А в завершении – две надписи, продублированные на английском языке: «Добро пожаловать в ад», «Ад ждёт», «Welcome to hell», «Hell is waiting». Все граффити были сделаны разноцветными красками из пульверизатора.

Камера ещё показала полуголых солдат, вдалеке помогающих крановщикам устанавливать в траншею десятиметровой высоты бетонные блоки, прошлась по густой спирали колючей проволоки на самом верху стены и отключилась.

«Они, как что-то не понимают, так сразу строят стены. Не поможет им Великая тунгусская стена, – озвучил свои мысли Денис, нервно зашагавший по комнате. – И мне не поможет широкая спина знаменитого фантаста. Не спрячусь я за ней.» У него опять тяжёлым свинцом налился череп.

С электронной рамки, ежедневно меняющей фотографии, что стояла на книжной полке, на Дениса сегодня сурово смотрела Сигурни Вивер в роли Эллен Рипли из фильма «Чужие». В руках у Рипли был огнемёт. Встретившись с ней

взглядом, Денис грустно

подумал: «Тебе, девочка, было намного легче, чем мне сейчас. Мои чужие в отличие от твоих – все с человеческими обличьями. Чёрт. Теперь они меня точно вычислят.»

Он вернулся к компьютеру, чтобы набрать в поисковике. «Морган Робертсон», но набрать имя ему не дали. Кто-то позвонил в дверь. Услышав звонок, Денис замер в нерешительности – идти, не идти, открывать, не открывать? Даже дышать, кажется, перестал. Тихонечко, на цыпочках он подкрался к двери и заглянул в глазок.

12

«Корни» из земли торчали так густо, что пройти дальше не было никакой возможности. И только в одном месте нам с Химиком удалось протиснуться боком. Когда протискивались, я с очень близкого расстояния рассмотрел поверхность этой гадости.

«Корень» был, как кактус, утыкан иглоподобными колючками, причём колючки имели особые зазубрины, обратив внимание на которые, я сразу вспомнил про рыболовные крючки. Сама же поверхность «корня» была бугристая и, по видимому, как у кактусов, тоже мясистая. Во всяком случае у меня сложилось именно такое мнение.

За «корнями» заканчивался ад и шла нормальная природа. По крайней мере «зелёнка» не вызывала во мне то отвра-

щение, которое я испытывал от «сетки». Поляна представляла собой некое почти идеально овальное пространство, что-то типа стадиона, только больше, у которого трибунами служили медно-коричневые «деревья», растущие по всему периметру и уходящие своими «стволами» ввысь, местами на десять-пятнадцать метров.

Я воткнул ярко-алый ориентир в высокую траву, потом мы прошли немного и сразу, одновременно увидели аэробус. Сперва не сам самолёт, а его оторвавшуюся турбину. Таких огромных турбин мне в жизни наблюдать не доводилось. Она стояла вертикально, что называется, «на попа», и была похожа на чудовищных размеров бочку. Солнце, блиставшее на её магниевой полированной обшивке, больно резало глаза. Но я радовался тому, что мы наконец-то выбрались из-под давящей, ядовитой, смертельно опасной «сетки», что над нами – чистое голубое небо, и что солнце играло на одной из турбин без вести пропавшего «А-триста восьмидесятого».

«А-триста восьмидесятый» при ударе о землю развалился на несколько частей. Хвост отломился, и из фюзеляжа вывалилось огромное количество всякого барахла, разлетевшегося по поляне. Здесь были и пассажирские кресла, и посуда, и чемоданы, и много чего ещё. Только вот трупов не было. Ни одного.

Внутрь самолёта мне идти совсем не хотелось. Поскольку я заметил, что крыло аэробуса оплетено «усами», протянувшимися от стены из «деревьев» аж на сто-двести метров. То

же самое я видел и у «Ми-восьмого». У «вертушки» «усы» опутали топливный бак.

Но нам повезло – внутри самолёта нам можно было и не соваться. Контейнер мы обнаружили среди кучи разбросанной одежды. Нашёл его Химик. Он, словно собака-ищейка, вышел на него. Как будто нюхом почуял. Контейнер был большой, изготовленный из нержавеющей стали, с четырьмя резиновыми колёсами и двумя ручками по краям, с электронным цифровым замком. Он лежал на боку, и мы поставили его на колёса. (Контейнер оказался довольно тяжёлым.) Но перед этим Химик внимательно осмотрел уплотнение крышки. Уплотнение нигде повреждено не было. На крышке была пластиковая чёрно-белая наклейка с какой-то надписью. С какой, я не разобрал. Скорей всего, на немецком языке.

Мы уселись с Химиком на ящик, и тут я почувствовал, какая стоит жара. Пот буквально лил с меня. Я ощутил, что у меня мокрые задница и передница, что слиплись волосы на голове, что пиночетовский жилет присосался к спине и груди, а на плечах разодрал кожу. Воняло резиной, потом, а из мочеприёмника, как мне показалось, тянуло тухлой рыбой. Впервые за всё время нашего рейда я обратил внимание на жару. Может быть, потому, что под «сеткой» было гораздо прохладнее, чем здесь, а может быть, потому, что мы с Химиком добрались-таки до заветной цели, и я, наконец, расслабился.

Солнце нещадно жгло мне в самую макушку, но, тем не менее, голова моя хорошо соображала, и я сказал Химику:

– Что-то я ничего не пойму, дружище. Контейнер, судя по фотографии, тот, который мы искали, но он запечатан. Утечки нет. Выходит, вся эта срань навозная не из контейнера вытекла, как нам говорили на базе, а появилась по другой причине. Не могу въехать, что это за зараза, откуда. Ты заметил? Она даже меняет физические законы. Парни, похоже, очутились в месте, где напрочь отсутствует трение. А как объяснить, что Морда оказался у «Ми-восьмого»? А «усы», высасывающие соки из нормальных деревьев и авиационный бензин из топливных баков? И где делись люди, пропавшие в зоне? Что ты об этом думаешь, Химик? С точки зрения науки.

Мой напарник мельком взглянул на меня сквозь стёкла противогаза (Ну и видок у нас, как во время атомной войны!), затем соскочил с контейнера и устоял на останки аэробуса:

– Наука, наука. Ни хрена она не знает, твоя наука. Учёные вон до сих пор не могут со снежинками разобраться.

– С какими снежинками? – удивился я.

– С обычными. Которые зимой с неба падают. Тебе, как Деду Морозу, – он усмехнулся, – это будет интересно. Представляешь, снег – единственное вещество на планете, которое в зависимости от температуры кристаллизуется в разнообразные формы. Даже если температура изменяется все-

го лишь на несколько градусов, один тип кристалла превращается в другой, а после этого снова в предыдущий. Причём, что любопытно, новая форма сохраняет внутри прежнюю структуру.

Он стоял ко мне спиной и нёс эту слышимую в наушниках ахинею. А ещё он рассказал об американце по фамилии Бентли, который всю свою жизнь фотографировал снежинки, и уже собирался рассказать о японском учёном, тоже годами изучавшем кристаллы снега и проклассифицировавшем их, но я прервал его словоизлияние дельным предложением:

– Давай-ка посмотрим, что там, внутри контейнера. Ради чего мы припёрлись сюда, потеряв по дороге троих солдат.

При этом я навёл «узи» на электронный цифровой замок. Химик резко обернулся и взволнованно произнёс:

– А тебе разве не всё равно – бактериологическое оружие в контейнере или секретные документы? Ты же, как и я, пошёл на спасение человечества не даром, а за миллион «зелёных». Не строй из себя героя. Мне, например, по барабану, что там. Будет лучше, если мы доставим груз неповреждённым. А то останемся без денег. Как ты считаешь?

Однако я настаивал на своём:

– Нас ведь обманули, правда? Сказали, что в результате крушения немецкого самолёта из контейнера вырвалось растение-мутант. На самом деле – ничего подобного. А ну-ка посмотрим, что от нас скрывают генералы.

– Погоди, я сам. Я, знаешь ли, спец по замкам, – остановил меня Химик. Он расстегнул кобуру, извлёк из неё внушительных габаритов чёрный пистолет, взвёл курок. Я подумал, таким крупным калибром он и крышку пробьёт, на хрен. Но вместо того, чтобы выпустить пулю в крышку, Химик выстрелил в меня.

13

Одним дождливым осенним вечером 1896 года в дверь издательства «Арчибальд Вэлш и Ко» постучался человек. Звали его Морган Робертсон. Владелец издательства, находившийся на грани банкротства, без особого энтузиазма встретил позднего посетителя. Ещё и потому, что выглядел тот совсем не респектабельно: чёрный потёртый котелок, потасканного вида пальто, старые ботинки с растрескавшимся верхом. К тому же весь мокрый. Посетитель принёс рукопись фантастического романа, с целью опубликоваться. Роман назывался «Тщетность». Арчибальд Вэлш, прочитав название, тут же с иронией заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.